
Евгений СТЕПАНОВ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Невыдуманные короткие рассказы

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Моя мама, переводчица по профессии, с детских лет приучала меня к немецкому языку.

Потом, так получилось, что этот язык я изучал как второй (после французского) иностранный в советское время в пединституте, на инъязе. Не могу сказать, что выучил немецкий хорошо, но все-таки к пятому курсу говорил на нем довольно бегло и даже пробовал писать немудреные стихи на Deutsche.

А потом он оказался мне совершенно за ненадобностью, востребованной стал английский, который я кое-как, с наскоку, точно красный комиссар, освоил на разноцветных и говорливых улицах Нью-Йорка, Филадельфии, Милуоки, Чикаго и других американских городов, в которых довольно долго жил.

Однако немецкий язык мне все-таки пригодился. Так вышло, что моя семья (жена, теща, дочка) эмигрировала в ФРГ. Семья эмигрировала, а я остался. То есть я тоже делал попытки жить там, в Берлине, но буквально через две недели у меня в Германии начинается депрессия, я считаю дни до отъезда. Вообще, за границей я чувствовал себя комфортно только в одном веселом городе — в Нью-Йорке, который полюбил сразу, как только туда приехал в 1992 году.

Но делать нечего — стал приезжать в Берлин, нечасто, конечно, но раз в два-три месяца точно.

Время напоминает скоростной «Сапсан». Только оно еще быстрее. Дочка окончила школу в Берлине, потом театральный институт, поступила на работу в детский театр, вышла замуж за индуса, который родился уже в Бремене, родила двоих чудесных детей, моих внуков Катинку и Максимку. Останавливаться в небольшой квартире дочки и зятя мне стало неудобно, и я стал решать берлинский квартирный вопрос. И решил. Берлин — город необычный; здесь даже в самом центре можно встретить так называемые Kolonien, говоря по-нашему, дачные поселки. Домики крошечные — метров по тридцать-тридцать пять, участки тоже небольшие — по пять соток. Но в таких домиках есть все удобства, горячая и холодная вода, душ, канализация и т. д. Вот такую дачку я и купил много лет назад за четырнадцать тысяч евро.

Евгений Викторович Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Публикуется с 1981 года. Печатался в журналах «Нева», «Звезда», «Знамя», «Урал», «Дружба народов», «Наш современник», «Арион», «Интерпоэзия», «Юность», «Волга», «Дон», «Подъем» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живет в Москве и поселке Быково (Московская область). Главный редактор журнала «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига («Литературная газета») и премии журнала «Нева».

Теперь в Берлин я приезжал уже как к себе домой. Долетал из Москвы до аэропорта Тегель, брал такси за сто евро и оказывался в замечательном месте Восточного Берлина на Арнимштрассе, в дачной колонии, которая была основана в 1952 году.

Порядки в берлинских дачных кооперативах суровые, а дачник — существо совершенно бесправное. Веранду пристроить нельзя, сараи (хозблоки) и заборы недопустимы, большое дерево (например, сосну, елку или березку) посадить воспрещается, второй этаж надстроить можно только по решению правления кооператива, трава на участке должна быть двадцать пять сантиметров, ни больше ни меньше, кошку на участке выгуливать не рекомендуется и т. д. Все эти драконовские, непостижимые для русского вольнолюбивого и широкого человека запреты связаны с тем, что земля в дачных колониях принадлежит государству, а тебе, садоводу, принадлежит только твой дачный домик. Кооператив арендует землю у муниципалитета.

Правила содержания дачи прописываются в контракте, который заключается между дачником и кооперативом. Подписал такой контракт и я, единственный русский во всей нашей Kolonie.

Контракты контрактами, законы законами, а везде люди. Со временем я обжился, посмотрел, как живут другие берлинские дачники, и обнаружил, что далеко не все соблюдают мрачные дачные порядки. Почти у всех немцев на участке (за домиком) прятался небольшой сарайчик (хозблок), к домику была пристроена небольшая веранда, у многих росли сосенки и березки... Я понял, что немцы тоже живые люди. И не такие уж законопослушные, как мне всегда казалось.

Я решил рискнуть. Купил сборно-разборный хозблок и сам установил его за домом. На следующий день ко мне пришел Vorsitzender (председатель) кооператива с бумагой.

— Вот, господин Stepanoff, — показал он мне написанный от руки донос, — соседи на вас настрочили заявление, что вы поставили хозблок. А это запрещено.

Я был готов к такому развитию событий. И дал противоборствующей стороне решительный отпор.

— У вас тут у всех стоят хозблоки, — кричал я, вдохновенно подбирая немецкие слова, — а я вообще национальное меньшинство, я здесь единственный русский. Если вы меня оштрафуете, я подам на вас в суд, и суд вас обяжет снести все хозблоки в кооперативе, разве это вам выгодно? А еще вас оштрафуют как угнетателя представителя других народов. Это же не толерантно.

Председатель пошел красными пятнами. Такого отпора от странного русского он, пятидесятилетний добродушный седой мужик, не помнящий войны, никак не ожидал.

— Хорошо, — неожиданно сказал он, — я посоветуюсь с правлением. Может быть, мы найдем возможность сделать для вас исключение.

Потом, улыбнувшись, он добавил:

— А если мы снесем твой хозблок, ты Путину нажалуешься, да? И он нам перекроет газ?

— Я могу, я с Путиным хорошо знаком, — соврал я, не моргнув глазом. И тоже улыбнулся.

Так я отстоял хозблок и установил хорошие отношения с председателем Гюнтером.

...Я обжился на даче, посадил яблони, груши, даже инжир, который, как ни странно, замечательно прижился, оборудовал в своем маленьком кирпичном домике две отдельные комнаты, немного расширил чердак, установив там дополнительное низенькое спальное место. Теперь в дни моего приезда в Берлин я со своим семейством встречался на своей крошечной дачке, и мы все как-то там умещались и радовались друг другу.

Приезжали даже гости, например, мой близкий товарищ, поэт и музыкант Ильдар Харисов, с которым мы дружелюбно беседовали на литературные темы и выпивали недорогое немецкое вино.

Особенно меня радовала внучка Катинка — она уже пошла в школу. На даче она резвилась, бегала, залезала на могучую черешню, которая мне досталась еще от прежних хозяев, качалась на качелях.

Однажды меня оставили с ней одного — фактически в качестве бебиситтера. Я разогрел в микроволновке обед, заранее приготовленный дочкой, мы стали с Катинкой трапезничать.

Она, увидев, что я отказываюсь от хлеба, стараюсь поменьше есть, спросила:

— Почему?

Я отвечал, что сильно поправился в последнее время в Москве на хороших харчах, потолстел, сижу сейчас на диете.

Катинка прокомментировала:

— А я не считаю, что ты толстый, ты нормальный...

Потом, присмотревшись ко мне получше, уточнила:

— Вообще-то, мне все равно — толстый ты или нетолстый, мне главное, чтобы ты со мной играл, особенно здесь, на даче.

Женщина всегда женщина. Даже если маленькая.

Иногда со мной оставляли и двух внуков. Тогда двухлетний Максимка катался по участку на своей маленькой игрушечной машинке, крича «Ауто, ауто!», и тоже был доволен.

Когда мы собирались всем семейством, я кормил взрослых и детей куриными шашлыками, приготовленными на гриле, угощал собственной клубникой и черешней, ежевикой и малиной, а потом с внуками уходил на детскую площадку, которая находится в черте кооператива.

Я все время что-то улучшал на даче. Делал новые грядки, косил траву, менял сантехнику, выносил мусор в специальные контейнеры. Забот на даче (тем более берлинской) всегда хватает. Участки там у всех буквально вылизанные, игрушечные, любопытного взглянуть. Я не мог посрамить Россию — старался быть на уровне, все-таки — повторяю — я был единственный русский в нашем кооперативе.

Вообще, мои представления о Берлине стали сводиться к нескольким моментам: дача, дочка, внуки, все моя большая многонациональная семья, урожаи, хозяйские заботы, запасы, как говорил мудрый кот Матроскин, на зиму. Другого Берлина — с его многочисленными музеями и театрами, роскошными выставочными залами и библиотеками — я толком не знал.

Когда друзья в Москве спрашивали меня, чем я занимаюсь в Берлине, я честно отвечал, что смотрю за внуками, выращиваю картошку и клубнику, огурцы и помидоры, черешню и яблоки...

Во время моих отъездов в Москву за дачей присматривал зять, который постригал лужайку и живую изгородь из кустарников, ставшую забором.

Однажды я решил заменить на участке старые водопроводные трубы и сделать автоматизированную систему полива деревьев и огорода. Пригласил соответствующих специалистов из довольно известной и крупной берлинской фирмы. Подписали договор, они начали работать. Но когда они стали подключаться к центральной водонапорной точке нашего кооператива, воду откуда-то прорвало, она очень быстро стала заливать и мой участок, и соседские, у рабочих началась паника...

Ко мне на помощь тут же прибежал сосед Матиас, пожилой и худощавый мужчина, притащил гаечные ключи и шланги, стал пытаться перелить воду с моего участка в свой небольшой каркасный бассейн. Я помчался за председателем Гюнтером, который и спас меня и весь наш поселок от затопления. Он знал, как перекрыть воду. И сделал это.

— Ну ты нам и устроил стресс, — незлобно сказал Гюнтер, — хорошо еще, что я оказался на месте, а то бы было очень плохо. Много воды — много затрат.

Потом он подсказал рабочим, как правильно отрегулировать воду на моем участке. Они продолжили работу.

— Спасибо, Гюнтер, — сказал я. — Не знаю, как тебя и благодарить.

— Не надо меня благодарить, — ответил он. — Пойдем лучше ко мне отметим наше общее счастливое избавление от потопа.

Мы пошли в его домик, там тоже было, как у меня, две комнатки, на участке был такой же незатейливый огород — с картошкой и клубникой, огурцами и помидорами.

Он достал из холодильника водку «Smirnoff» и светлое пиво.

— Я здесь живу круглый год, быть председателем — это моя работа, мне даже зарплату небольшую платят, — сказал Гюнтер. — Жена приезжает только на выходные, она горожанка до мозга костей, огородом заниматься не любит. А я, говорят, пошел в деда, он был крестьянином в Тюрингии, до войны имел свою мельницу. Я тебе сейчас покажу его фотографию.

Он снял со стеллажа семейный альбом, стал его перелистывать.

Он нашел фотографию прадеда — на фоне мельницы стоял молодой человек с бровями, подкрученными вверх усами.

— Он погиб на войне, был летчиком, прошел ускоренные летные курсы, — сбивчиво начал рассказывать Гюнтер.

— Мой дед тоже был летчиком и тоже погиб на войне, — грустно сказал я. — Он освобождал Севастополь. Может быть, наши деды шли в атаку друг на друга?

— Может быть, — задумчиво ответил Гюнтер. И еще налил нам по рюмке водки.

— Ты вот что, — продолжил Гюнтер, — напиши заявление в правление, я постараюсь тебе помочь, может быть, удастся разрешить надстроить тебе полноценный второй этаж. А сейчас пойдем к твоим тупым рабочим, как бы они опять чего-нибудь не испортили.

Мы встали и пошли.

ШКОЛЬНЫЙ ДРУГ

Мы учились с Сережкой в одном классе, жили в одном дворе, ходили в одну секцию бокса... Это было в советское время, в 70-е годы прошлого века — замечательное (в своем роде!) для москвичей время: сытное, спокойное, предсказуемое. Каждое воскресенье мы играли в Кускове в футбол — есть там специальная спортивная площадка. И не только играли в футбол, но просто общались с ребятами, обменивались новостями и т. д.

...В школе я учился намного лучше, чем Сережка, особенно хорошо успевал по гуманитарным дисциплинам, да и в спорте (боксе, футболе) успехи у меня были более серьезные, чем у Сережки, которые еле-еле перебивался с двоек на тройки, да и физически мне уступал — был он маленький и щуплый.

У него лучше получалось только одно: он быстрее меня плавал. Ну вот не знаю почему. Дом наш стоял рядом со знаменитым графским прудом, и вот в этом пруду мы нередко соревновались, кто быстрее проплывет ту или иную дистанцию. Сережка проплывал всегда быстрее. Я тренировался. Злился и тренировался. Бегал по утрам, отжимался ежедневно по сто раз, не вылезал из этого пруда, но все равно Сережка плавал лучше и быстрее.

Потом я смирился. Понял, что в чем-то мой товарищ сильнее меня. Ну и слава богу! И вообще забыл про это плавание.

После восьмого класса Сережка поступил в железнодорожное ПТУ, а я вообще перешел в другую школу. И мы — как-то так получилось! — перестали общаться.

...Прошло более тридцати лет. Я провел многие годы в других городах, проводил масштабные рекламные кампании, защищал интересы крупного капитала в разных странах, ворочал миллионами, был топ-менеджером гигантских корпораций, побывал на войне, окончил институт и аспирантуру МГУ, защитил диссертацию, издал десятки книг, стал успешным и самостоятельным бизнесменом...

...И однажды я опять приехал в Кусково, зашел на спортивную площадку, где мы в детстве играли в футбол... Продираясь сквозь кусты малины к этой площадке, я вдруг услышал странные слова:

— Евгений Викторович, привет! Ты к нам?

Я обомлел, я не понял, в чем дело. То ли кто-то обознался? То ли меня действительно кто-то узнал?..

Это был Сережка... Постаревший, седой, уставший... Но это был он. Он только что закончил играть в футбол на площадке и сидел на лавочке вместе с другими ребятами из нашего двора. Оказывается, ребята (теперь уже взрослые мужики) по-прежнему раз в неделю играли здесь в футбол, обменивались новостями и т. д. Их жизнь за эти десятилетия практически не изменилась.

Мы разговорились, они расспрашивали меня, я расспрашивал их. Я рассказывал о странах, где жил и работал, об известных людях, с кем общался. Ну в общем, хвастался — чего греха таить. А Сережка в основном молчал, только сказал, что вот уже тридцать лет работает грузчиком на фабрике.

Потом мы стали прощаться, Сережка сказал:

— Извини, Женек, очень тороплюсь, дел неувпроворот, у меня же пять детей... И всем что-то нужно....

И мы, обнявшись, расстались.

...Я шел по родному кусковскому парку, смотрел на деревья, дворцы и колонны, на лодки, которые плавали вокруг островка, на чаек, парящих в вышине, и думал о моем великом друге Сережке.

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ СДЕЛАЛА ДОБРОЕ ДЕЛО

Я выезжал из Кишинева с фестиваля «Весна Европы», где неожиданно-негаданно получил поэтическую премию.

Мой товарищ Николае Спэтару проводил меня до поезда, мы на прощание обнялись и тепло расстались. Я попросил Николае не ждать, когда отправится поезд.

Через полчаса началась посадка. Проводник попросил у меня документы. Глядя на мой российский паспорт, он заметно мрачнел.

— А вас не пропустят на украинской границе, — наконец сказал он. — Украинцы снимают с поездов всех российских мужчин в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет. Такой у них там приказ.

— Что, шансов никаких? — обреченно спросил я.

— Один из тысячи, — ответил проводник, — в прошлый раз мужика пятидесяти семи лет с поезда сняли, хотя он с женой ехал. Сейчас, после того, как началась эта гребаная война, пограничники совсем злые стали.

...Я все-таки поехал.

В вагоне оказалось всего трое — я и двое молдаван. Ну и два проводника, конечно.

Вечером, в восемь часов, подъехали к украинской границе, к городу (не путать с белорусским!) Могилеву.

Тут же ко мне в купе зашел молодой человек. Он оказался украинским оперуполномоченным. Звали его Игорь Александрович.

Посмотрев мои документы, он решительно отчеканил:

— К сожалению, Евгений Викторович, мы вас не пропустим. У нас приказ. Всех мужчин от шестнадцати до шестидесяти лет не пропускать.

Я понял, что шутки кончились.

Возвращаться назад в Кишинев, потом добираться до аэропорта, тратить драгоценное время и лишние деньги совсем не хотелось. К тому же и приболел, в дороге у меня всегда обостряются старые болячки.

И тогда я был вынужден сказать совершенно неприличные, невероятно нахальные слова, которых ранее не говорил никогда в жизни.

Я буквально воскликнул:

— Но я же поэт! Человек абсолютно мирный, еду домой, получил в Молдавии на фестивале звание лауреата.

Оперуполномоченный Игорь Александрович посмотрел на меня с некоторым интересом. И спросил:

— А чем, Евгений Викторович, вы докажете, что вы поэт?

Я печально задумался. Ну в самом деле, а чем я могу доказать, что я поэт. Ничем, конечно. Кроме стихов.

Я неуверенно пролепетал:

— Хотите я вам свои стихи прочту? Больше у меня доказательств нет.

— Нет, нет, стихов читать не надо, — замахал руками оперуполномоченный, — откуда я знаю, что это ваши стихи. Вы ведь наверняка и чужие стихи наизусть знаете...

— А у меня и книжка есть. Вот смотрите, в переводе на румынский язык, меня перевел крупнейший поэт современной Молдовы Лео Бутнару. Тут на обложке моя фотография. Смотрите, это я! Похож?

— Похож-то похож. Но книжку можно подделать, — не сдавался оперуполномоченный. — Вы там, в Москве, все умеете.

— Хорошо, но ведь у меня есть диплом лауреата, — настаивал я, страстно желая пробиться домой. — Смотрите, я в самом деле лауреат. Диплом подписал Аркадие Suceveanu, президент Союза писателей Молдовы.

Оперуполномоченный стоял насмерть:

— Диплом — тоже не аргумент.

Вскоре подошли еще ребята-пограничники, молодая женщина, представитель таможенной службы. Как-то жалостливо они посмотрели на меня.

А я все кричал:

— Я поэт, я поэт, пропустите меня домой!

Тут оперуполномоченный меня окончательно сразил наповал. Он спросил:

— А вы в каком жанре стихи пишете?

Я растерялся. Начал думать, что сказать. Я ведь стихи пишу во всех жанрах, но что нравится этому проклятому оперуполномоченному? Вдруг он убежденный традиционалист, поклонник журнала «Новый мир» или, наоборот, модернист и выписывает кедровский «Журнал ПОэтов»?

Я ответил витиевато:

— Я в разных жанрах стихи пишу. Могу и элегию сочинить, и сонет, но я не чужд и постмодернизма.

— Ну да, — сказал оперуполномоченный, — постмодернизм сейчас в моде.

Спасла меня, как всегда, женщина.

Представительница доблестной таможенной службы независимой Украины спросила:

— А у вас никакой официальной бумаги нет, подтверждающей, что вы поэт? Ну типа справки?

— Справки о том, что я поэт? — неуверенно уточнил я.

— Да, — кивнула таможенница.

И тут я хлопнул себя по лбу и радостно воскликнул:

— Эврика! Есть у меня такая справка. Вот программа фестиваля, тут черным по белому написано: 14 мая — выступление поэта из Москвы Евгения Степанова.

— Ну это дело! Хорошо! — как-то даже обрадовались и таможенница, и оперуполномоченный... Они позвонили какому-то своему начальнику, объяснили ему ситуацию. И — меня пропустили.

Я — счастливый! — поехал домой.

ПОЭТ-БИЗНЕСМЕН

— Жень, это очень крутой человек, — сказал мне по телефону Андрей Тюльпанов, исполнительный директор одной центральной газеты. — Он крупный бизнесмен, но пишет стихи. И хорошие стихи. Я буду рекомендовать ему тебя как издателя. Денег у него как у дурака махорки. Заплатит щедро. Но ты, пожалуйста, не подведи. Сделай все по высшему разряду.

— Андрюша, конечно, — заверил я приятеля. — Все-таки мы уже крупное издательство, в год издаем примерно триста наименований книг. Опыт есть. Не подведем.

Мы созвонились с поэтом-бизнесменом. И договорились о встрече вечером у меня в офисе.

А днем меня как издателя газеты «Литературные известия» пригласили на одну пресс-конференцию. Там же состоялся и фуршет, на котором мы активно пообщались с главным редактором толстого литературного журнала «Свобода слова». Раньше мы с этим редактором почему-то враждовали, а тут разговорились, крепко выпили и выяснилось, что уже и не помним, из-за чего враждуем. Напился я в тот день очень сильно. Так сильно — впервые в жизни.

К себе в редакцию (где у нас шел мучительный капитальный ремонт) вернулся на такси еле живой.

Приезжаю, а там меня уже ждут моя взволнованная помощница и заказчик — поэт-бизнесмен, солидный такой и упитанный дядька лет пятидесяти пяти.

Он посмотрел на меня, как минимум, с интересом.

— Так это вы — Степанов? — недоверчиво спросил он.

— Да, это я, — еле выговаривая слова, пролепетал я. — Извините, пожалуйста, я сегодня немножко выпил. Давайте завтра встретимся. Я сейчас лучше бы поспал.

— А что хоть пил? — неожиданно проявил интерес поэт-бизнесмен.

— И водку, и вино, и шампанское. Короче, коктейль.

— Это ты зря, мешать не надо, — неожиданно проявил участие предприниматель. — Я-то знаю. Я уже двадцать лет не пью... В завязке. Но, кажется, зря. Что-то в жизни я, наверное, потерял... У тебя такие счастливые глаза!

Короче говоря, на следующий день мы, как ни странно, заключили договор. В кратчайшие сроки и на высоком полиграфическом уровне я выпустил поэту-бизнесмену книгу. Он остался очень доволен. И потом даже стал поддерживать мои бессмысленные некоммерческие журналы.

В общем, я ничего в этой жизни не понимаю.

Кстати, с тех пор я больше не напивался ни разу.

Возможно, зря.

БОЖЬИ ЛЮДИ (Рождественский рассказ)

Отношение к религии у меня сложное. Да и какое оно может быть у легкомысленного (мягко говоря) и плывущего по течению человека, который в советское время после инъяза окончил Высшую комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ, а потом, в перестроечную эпоху, Университет христианского образования в Женеве?! Мне ясно одно: Бог есть. Бог — во всем. Каждый цветок — Бог, каждая сосна — Бог, каждый добрый поступок — Бог. Он — везде, и Он — в каждом из нас. Просто надо приглядеться. Кстати, когда на выпускном экзамене по научному коммунизму в ВКШ строгие экзаменаторы спросили меня, верю ли я в Бога, я ответил, что верю. И мне все равно поставили «отлично». Педагоги были настоящие люди, да и знал предмет я все-таки неплохо.

С Рождеством 2020 года меня поздравили несколько близких человек: позвонила, как всегда, Наташа Лихтенфельд из Берлина, подбодрила меня морально, замечательный Евгений Юрьевич Сидоров, внимательный ко всем своим подопечным, написал хорошие добрые слова, позвонила Люда Осокина, сказала, что должна мне денег и скоро их принесет в редакцию (я про них, честно говоря, забыл, но деньги были очень нужны, потому что долг перед типографией, с которой я сотрудничаю многие годы, продолжал расти), а поэт и прозаик из Екатеринбурга Ира Колесникова выдохнула в письме такие волшебные слова: «Женя, пусть в этот день в твоей жизни произойдет ЧУДО!»

И чудо произошло. Почему-то именно в этот день я решил разобраться на дачном складе, начал там все перебирать и раскладывать по полочкам и в одной из папок нашел письмо... от мамы. Мама всегда писала мне напутственные письма на день: что есть, как одеваться и т. д. Я их, дурак, никогда не берег, а когда мама почти три года назад ушла из жизни, понял, как мне сильно не хватает не только маминого тепла, но и этих волшебных писем, которые она писала четким и красивым почерком.

...И в этот раз мама — уже с небес! — давала мне инструкции: «Женя, курага на столе. Ешь от души, но обязательно мой!»

Я пошел в магазин, купил кураги, хорошенько ее помыл и основательно подкрепился.

Впереди было много работы.